И.М. Бунин

О социальной базе консерватизма

Постановка вопроса[1]. Доминирование консервативных настроений в элитах и обществе кажется совершенно очевидным. Вопрос: что из этого следует? И как государству этим пользоваться? Является ли такое доминирование гарантией национального консенсуса о развитии, и если да, то почему с этим развитием такие проблемы?

Более реальный исследовательский вопрос, который поможет ответить на все остальные, – это социальная база российского консерватизма, ее сходства и различия с западными аналогами, степень ее устойчивости и перспективы развития.

Верхи. В «верхах» западный консерватизм давно ушел от противостояния «старой» и «новой» элиты, земельной аристократии и поднимающейся буржуазии (вспомним Э. Бёрка, Ж. де Местра). Там буржуазия – уже давно «старая», отношения собственности и основанная на них социальная иерархия (важнейшие «консервативные скрепы») давно устоялись. Именно на них основано преобладание поддержки консерваторов в среднем классе. Преобладание это важно в двух смыслах: во-первых, среднему классу важна не только стабильность, но и динамизм, поэтому консерваторам приходится конкурировать за его симпатии то с либералами, то с социал-демократами, а значит, ориентироваться на обновление. Второе следствие: в этой конкуренции за массовую базу рождается «политический центр», который и придает стабильность западному общественному устройству. Его принято именовать «либеральной демократией», но создан он был более усилиями консерваторов, чем их партнеров-оппонентов по политическому спектру.

У нас же в силу долгого нерыночного развития и тоталитарной диктатуры исторический спор «служилой» и «коммерческой» иерархий еще далек от завершения, мысли о «новой аристократии», преимущественно из бывших и действующих силовиков, как «опоре трона» никогда не исчезали из российского дискурса. В реальности же положение «буржуазных» верхов в российской элите очень неоднозначно.

Бюрократия всегда была опорой консерватизма, что естественно при «государствоцентричности» России и монополии власти как на охранение и традиции, так и на реформы и обновление. Однако приведем цифры совсем недавнего опроса «Левада-центра»[2]: среди руководящих работников более 66% говорят, что обстановка в России (на самом пике «крымского успеха») стала напряженной, 75% констатируют неуважение российского государства к правам своих граждан, 53% хотели бы видеть на посту президента чело-

[1] Тезисы к выступлению.

[2] *Левинсон А.* Наше «мы»: Почти всеобщий подъем // Ведомости. 2014. 13 мая.

века, «который предложил бы другое решение проблем России» – *по всем этим показателям «руководители» занимают куда более критическую по отношению к «государству-консерватору» позицию, чем среднестатистический россиянин.*

Ничего «революционного» в этих новостях нет: к похожим выводам – о скептичном восприятии бюрократией перспектив развития при нынешнем курсе – еще пять лет назад приходил в своем известном исследовании элит М.Н. Афанасьев. Единственным исключением, отмеченным им, была «силовая элита (чекисты)», озабоченная «не столько поиском развивающих институтов, сколько охраной существующего порядка власти и распределения ресурсов»[1]. Поэтому не удивительно, что в нашей элите консервативный тон и «моду» задает именно «бюрократия в погонах» (как говорил персонаж М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Я культурный человек, потому что служил в кавалерии»).

Деловая элита и средний класс в российской конфигурации к консерватизму относятся неоднозначно. С одной стороны, становление рыночных отношений и появление буржуазного класса – необходимая предпосылка существования современного консерватизма, с другой – этот рынок и этот «буржуа» не стали полноценными акторами или партнерами нашего «исконно консервативного» класса – государственной бюрократии.

И предпринимателям, и среднему классу в политике в первую очередь нужны стабильность и предсказуемость. Без них невозможны долгосрочные стратегии ни бизнеса, ни личных жизненных карьер, невозможны сбережение и накопление. Однако в устоявшихся демократиях стабильность и демократичность – это почти синонимы (благодаря твердому политическому центру, образуемому консерваторами и их оппонентами). В переходных обществах (и тут масса примеров и аналогий, например, с Латинской Америкой) «имущие классы» уповают на государство как гарантию стабильности и защиты от «хаоса», от «низов», иммигрантов и пр., даже если эта защита подразумевает зажим плюрализма и авторитарное правление.

В российских условиях буржуазия и средний класс колеблются: им нужно государство как тот самый гарант стабильности, но, с другой стороны, их отталкивают в нынешнем государстве как минимум два параметра (за каждым из которых – целый комплекс явлений):

– отсутствие «ровного поля» для своего влияния на политику, определение собственной судьбы: они, как и предреволюционная буржуазия, – как бы «второй класс» элиты, не допускаемый до критических решений, с ними могут посоветоваться, но не обязаны принимать этот совет, а часто и вовсе не советуются (и тогда, например, решение о повышении социального налога или обложение налогом занимаемых помещений падают, как снег на голову, накануне нового фискального года). Это не говоря уже о «коррупционном налоге», который несет бизнес в пользу бюрократии;

– упорное нежелание государства строить универсалистские институты, создавать независимый суд, защищать собственника и инвестора. «Маленькое государство» – центральный пункт таких современных консерватизмов, как рейганомика и тэтчеризм, – это не из арсенала наших консерваторов.

Разумеется, основной водораздел в этих колебаниях «любви» и «нелюбви» к государству – это степень приближенности конкретного бизнеса к власти (в том числе – местной). Тесно связанными с государством оказываются не только государственные и не только крупные частные компании, но и масса предпринимателей (и их наемных работников из среднего класса), которые зависят от государственного заказа. Принцип «друзьям всё, остальным – закон»

[1] *Афанасьев М.Н.* Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Либеральная миссия, 2009.

отталкивает от консерватизма широкие слои «неприближенных» предпринимателей и людей из среднего класса.

Если мы хотим, чтобы наш консерватизм стал современным и развивающим, такое положение надо менять!

Низы. Любой консерватизм опирается в «низах» на два типа социальных групп – на большинство тех, кому «есть что терять», а потому желающих стабильности (тот же средний класс, о котором речь шла выше), и на тех, кому труднее приспособиться к переменам (чаще это село, люди старшего возраста).

У нас картина иная: «государствоцентричность» помещает в лагерь «трудноприспособляемых» подавляющее большинство тех, кто в своем постоянном доходе зависит от государства. Это пенсионеры, бюджетники, люди, состоящие на службе у государства (в «погонах» или без таковых). В категориях «четырех Россий» (по Н.В. Зубаревич) «трудноприспособляемые к переменам» – это большинство населения России № 4 (этнические республики с доминированием патерналистски-патриархальных отношений), России № 3 (малый город и село, где зарплата или пенсия от государства – основной доход, поскольку экономика преимущественно депрессивна), а также России № 2 – средний промышленный город, основной работодатель в котором сильно зависит от госзаказа или субсидии. Разумеется, у части этих категорий претензии к государству настолько высоки, что они голосуют за оппозицию, но и оппозиция эта (как показано ниже) если не консервативна, то по крайней мере «охранительна».

Напротив, средний класс, динамичные социальные слои России № 1 (крупных городов) к «государственному консерватизму» часто настроены скептически. Вопрос «А за что же они?» повисает в воздухе, потому что система политического представительства общественных интересов у нас сильно отстает от реальности.

При низком уровне развития конкуренции формирование «связки» государственного консерватизма с общественными слоями – достаточно простой процесс. Столь же проста и «самообразуема» связка с потенциальным избирателем у других инкарнаций отечественного консерватизма. Советский и патерналистски-распределительный консерватизм у КПРФ и «эсеров» вполне понятен тем, кто привык уповать на «привычное» государство, но к государству нынешнему имеет более сильные претензии по части социальной справедливости. Месседж Владимира Жириновского тоже вполне укладывается в отечественную консервативную традицию: он сочетает декларативную «имперскость» с популистским отношением к государству и стремлением объехать его «по кривой» при каждом удобном случае.

А вот динамичным слоям в политическом представительстве нет места: партиям с либеральной повесткой дня они не верят, потому что эти люди не покупают товар «второй свежести» и не инвестируют в проекты с неясной перспективой, а сами они не имеют достаточных мотивов для самоорганизации. Потому-то динамичные слои голосуют протестно (как в декабре 2011 года) или «голосуют ногами». Этих людей не можно, а НУЖНО вовлекать в политику, притом не факт, что они окажутся «консерваторами» – кто-то окажется, а кто-то станет либералом. *Но именно на этом поле может появиться здоровая конкуренция идей и программ, от которой российский консерватизм только выиграет.*